вопросил: „Зачем приехала?“. Она же отвечала: „Я приехала, милостивый государь, до вашего величества просить прошения[1] на вашего генерала-фельдмаршала. Будучи [*л. 19*] у нас в Гишпании на резиденции жил со мною как з женою, в моем доме, три года и со оным фельдмаршалом договоренность была[2] платить мне по 50 червонных за каждую ночь, и оной фельдмаршал уплатил мне за полгода только 18250 ефимков, а за полтретья года 91250 ефимков не заплатил и, не сказавшись, уехал, а при отъезде увез у меня с правой руки перчатку, такую ж, какая ныне у меня на левой руке надета. Того ради, ваше величество, покорнейше прошу, чтобы указали оному фельдмаршалу со мною расплатится, дабы мне не приттить в раззорение, понеже я оно[го] фельдмаршала во всю[3] [*л. 19 об.*] его бытность на своем коште содержала и довольствовала“.

И, выслушав оное, король приказал послать за фельдмаршалом, сам же, вышедши в свою спальню, стал мыслить: „Боже мой, куда досадно, что она б. . . . . Ежели бы не такого состояния была, то бы, конечно, женился на ней“. Тогда же о пришествии фельдмаршала королю возвестили. А гишпанка все во оном зале дожидалась оного и, [ко]гда увидела[4] онаго, поклонилась, и он напротив, такожде честной комплемент отдал, а друг друга и не знают, как фельдмаршал ея, так и оная фельдмаршала.

В то же время королевское величество изволил выттить из спальной [*л. 20*] полата и рек: „Господин фельдмаршал, приехала ко мне сия б. . . . из Гишпании просит на тебя в недоплате ей денег, которыя она изчисляет 91250 ефимков, за то, что ты жил с нею в ея доме три [года] в бытность твою на резиденции. К тому же, увес ты у ей перчатку с правой руки, такую же, какую ныне имеет на левой руке, которая стоит больше 10 тысящ: И ты разделайся с нею, чтобы, «т[ы] жил», от ней более не слыхал“.

И фельдмаршал стал доносить: „Ваше королевское величество, я сей дамы не знаю, кто она такова, и с нею я в Гишпании не живал, в ея доме, и ни какими деньгами [*л. 20 об.*] не должен и перчатки не уваживал“. На что гишпанка ответствовала: „Напрасно изволил господин фельдмаршал а[т]пираться в том, что ты меня не знаешь и не жил со мной и деньгами не должен[5] и перчатки не уваживал, ныне изволи[6] присягнуть при королевском величестве. Я уже и уступлю, быть так, что пропало у его“.

Королевскому величеству оное отважное слово весьма понравилось и приказал послать за пастором, чтобы фельдмаршала привесть к присяге. А как пастор пришел онаго фельдмаршала приводить к присяге в том, что оной гишпанки не знает и с нею не живал и деньгами не должен и перчатки не уваживал, тогда фельдмаршал присягнул при его короле[*л. 21*]вском величестве и при всех придворных кавалерах.

Тогда же оная гишпанка подбежала к королю, встала на колени и со слезами стала благодарить за такую королевскую милость. Притом же попросила в свободе о смертной казни брата своего Карла, которой был у вашего королевскаго величества камор-юнкером и осужден напрасно за меня, якобы я первая гишпанская б. . . ., а ныне, ваше величество,

---

[1] *В рукописи* прощения.
[2] *В рукописи* было.
[3] *В рукописи* во всю *повторена дважды.*
[4] *В рукописи* увидяла.
[5] *В рукописи* длжен.
[6] *В рукописи* изволил.